

НАСТОЯЩИЙ

К И Б Е Р П А Н К

Г Л А В А 1

— Я скоро умру,— сказал Джоунз.

Статная тату-художница замерла, занеся иглу над незаконченным вторым лотосом на предплечье полупустого кадра в отключке, который сидел в кресле, свесив голову.

— Как, опять?

— Не смейся надо мной, Гатор.— Джоунз нервно провел костлявой рукой по поредевшим волосам.

— Разве ты слышишь смех? Тебе кажется, что я смеюсь? — Она поудобнее уселась на высоком табурете и подвинула руку с незаконченной татуировкой ближе к свету. Рисунок лотоса особенно сложен, к тому же необходимо было вписать его в уже имеющийся узор, а глаза девушки порядком утомились от ночных трудов.— Нет, я никогда не смеюсь над теми, кто так часто умирает. Знаешь, когда-нибудь ты доиграешься с адреналином, вся система откажет, и ты уже не очнешься. Может быть, это произойдет довольно скоро.

— Чем быстрее, тем лучше.— Джоунз повернулся к ней, отведя глаза от эскиза, пришипленного к стене палатки: череп в рамочке из роз.— Кили ушел.

Гатор убрала иглу и промокнула наколку. Кожа у всех кадров на Мимозе отличалась поганим качеством, но создания это были смиренные и служили надежным хранилищем данных — терпеливо дожидались на месте, где их оставляли, да и крали их редко, в отличие от других видов копий.

— А ты чего хотел? Думаешь, легко жить с человеком, который постоянно умирает? — В ее больших зеленых глазах явственно читался укор. — Лечиться тебе пора, Джоунз. Ведь ты подсел.

Горькая улыбка на лице Джоунза заставила Гатор быстро перевести глаза на свои лотосы.

— Джоунз и его наркотик. Конечно. Но мне уже все равно. И я ни о чем не жалею. Если б мне пришлось еще хоть на день застрять в той депрессии, я бы точно покончил с собой. Раз и навсегда.

— Не люблю говорить о том, что и так очевидно, но в данный момент ты в депрессии.

— Вот поэтому я скоро умру. А Кили не от меня ушел. Он вообще ушел.

Художница прервала работу еще раз, чтобы набрать чернил в иглу, держа безвольную руку кадра на колене.

— А что, есть разница?

— Он оставил записку.

Джоунз выудил бумажку из заднего кармана брюк, расправил ее и протянул девушке.

— Поднеси ближе к свету — у меня руки заняты.

Он так и сделал. Несколько мгновений, на протяжении которых девушка разглядывала записку, казалось, тянулись очень долго.

— Ну? — Не вытерпел он.

Гатор отодвинула его руку с запиской в сторону и вновь склонилась к татуировке.

— Помолчи минуту. Я думаю.

Снаружи донеслись оглушительные звуки — это уличные музыканты, игравшие всю ночь, снова принялись за работу. Взмахнув по-цыплячьи руками, Джоунз подскочил на месте, будто его ударили током.

— Вот дерьмо, как ты можешь думать в таком грохоте?

— Не слышу, что ты говоришь.

Кивая в такт музыке, она закончила лотос и положила иглу на поднос. Осталось вплести в узор еще один цветок — и можно будет отправить кадра обратно под пирс, откуда она его и взяла. Гатор распрямила спину, растирая поясницу.

— Если ты действительно собрался умереть, хотя бы помассируй мне шею напоследок.

Джоунз принялся разминать ей плечи. Музыка снаружи чуть поутихла, отдаляясь: видимо, ребята двинулись на гастроли по улицам. Удачи вам, и кликните на помощь, если вас заметут.

Тут в палатку ворвался высокий мужчина в плаще до самого пола, и Джоунз снова дернулся от неожиданности.

— Эй, полегче! — Гатор шлепком сбросила руку Джоунза с плеча. — Ты что, вулканец?

Даже если до Джоунза и дошел смысл упрека художницы, вдруг вспомнившей древний сериал¹, он не подал вида. Все его внимание было занято черными узорами, которые вились по белой ткани плаща и волнами пере-

---

¹ Имеется в виду сериал «Звездный путь», где представителей одной из инопланетных рас — вулканцев — нередко упрекали в бесчувственности. А также они особым захватом вырубали противника, лишая его чувств (*Здесь и далее прим. перев.*)

мешались по его поверхности, то неуловимо вырастая в размерах, то уменьшаясь.

— Впечатляет, — сказала Гатор, потирая место, где Джоунз надавил слишком сильно. — Кто пошил? Мандельброт?

Мужчина встал спиной и развернул плащ во всю ширину.

— Согласилась бы умереть за такой, да?

— Это вряд ли, — мрачно откликнулась Гатор. — А если ты ко мне, то ошибся адресом. Я не делаю тату-мультипликаций.

— Собственно, я тут кое-кого искал. — Он быстро придвинулся к кадру, все так же мешком сидевшему в кресле, и взгляделся ему в лицо. — Нет, не он. Ну и ладно.

Выпрямившись, он еще раз взмахнул плащом. Тот запульсировал муаровыми узорами.

— Если тебя интересует, мы направляемся в Фэрфакс.

— Фэрфакс — дыра.

— Мы устроим там достойную вечеринку. — Мужчина расплылся в предвкушении.

— Я в курсе, кто ты такой, — откликнулась она, будто в ответ на его слова. — Спасибо за приглашение, но, как видишь, я занята.

Он перевел взгляд с кадра на Джоунза, по-прежнему зачарованного плащом.

— Станный вы тут народ, на Мимозе.

— Не тебе бы говорить.

— В последний раз зову. Точно не поедешь? — Он слегка наклонился. — Поцелуешь на прощание?

— Пусть это останется твоей мечтой. — Улыбнулась она.

— Ладно. Я включу тебя в свое видео.

— Вальжан! — раздался крик снаружи. — Идешь?

— Бегу изо всех сил, — отозвался он и вылетел в окружении роя фракталов.

— Давай, массируй. Никто тебя пока не отпускал.

Джоунз послушно возобновил массаж. Уличные музыканты ушли, наступило относительное затишье. Только откуда-то издали доносилась минорная импровизация на синтезаторе.

— Вот что я думаю, — помолчав еще немного, сказала девушка, — тебе нужно примириться с Создателем, хочешь ты этого или нет. Исповедаться по всей форме.

Джоунз резко хохотнул.

— Ну, конечно. И святой Дисмас¹ мне сразу поможет.

— Как знать.

— Я не из его паствы. Ему нет до меня дела.

— Теперь есть. Ты определенно попадаешь в его ведение как неизлечимо информированный. Дай-ка мне снова посмотреть записку Кили.

Джоунз передал ей бумажку, и, пока он прорабатывал пальцами шейные позвонки снизу до самого основания черепа, она всматривалась в текст.

— «Удиви, У-Ди-Ви» может означать только... В общем, ясно. «Разделить, накрыть, немного зеленых яиц сверху, и вперед. Бдии-бдии». Вот это «бдии-бдии» — особенно умиляет.

Джоунз снова рассмеялся.

---

¹ Святой Дисмас — один из распятых с Христом разбойников, который попросил у него благословения (Лука 23:39–43). Считается покровителем приговоренных к смерти, воров, могильщиков, заключенных. В мире «Искусников» его покровительство распространяется на тех, чей разум не выдержал обрушившихся на него информационных потоков

— Да уж. Кили нужна помощь, а не мне. Это его чертово «бдение». Я ведь говорил ему, что однажды он влипнет. И умолял его обратиться за помощью.

— К тем же, кто и тебе «помог»? Всадить себе имплантат какой-то богадельни, которой до тебя и дела нет, пока твоя страховая компания исправно платит?

Она сбросила его руки с плеч и направилась к портативному компьютеру в углу палатки. На экране вращалось изображение веточки плюща, позволяя рассмотреть ее со всех сторон. Гатор пробежала пальцами по клавиатуре. К веточке добавилось несколько листиков. Нажала какую-то клавишу, и экран разделился на две части — плющ отодвинулся вправо, а в левой половине появилось меню.

— Посмотрим, может, кто-нибудь что-то знает, — сказала она, коснувшись одной из строк меню мизинцем. — Съешь записку.

— Не хотелось бы умирать на полный желудок.

Гатор вздохнула, но отвечать не стала. Меню в левой части экрана сменилось надписью большими квадратными буквами: «Автоответчик Доктора Фиша». Одной рукой она набрала слово «татуировки».

В ответ высветилось: «Ю/1 или Ди/1?»

«Ю/1», — напечатала она и, подождав немного, нажала еще одну клавишу. Линия, разделяющая экран, пропала. Вращающаяся веточка застыла и медленно исчезла.

«Доктор благодарит вас за посещение и напоминает, что необходимо правильно питаться, не переутомляться, регулярно проходить детокс и обязательно консультироваться с лечащим врачом, прежде чем приступить к новой программе упрощений».

Экран очистился, Гатор потянулась за сигаретой.

— Никто ничего не знает, — сказала она. — Завтра еще раз выйду на автоответчик, и посмотрим...

За ее спиной послышался мягкий удар о землю. Джоунз лежал на утоптанном песке, мертвый. Девушка застонала.

— Ах, ты, дерьмо. Ты все-таки сделал это, никчемный мерзавец. Надо бы тебя просто выбросить на помойку. И я могла бы так поступить, но только ведь Кили о тебе заботился. Бог знает почему.

Она вновь повернулась к компьютеру и вызвала на экран узор с черепом в венке из роз. Любопытно, что Джоунз выбрал именно его. Это подтверждало ее теорию о том, что каждому человеку соответствует своя татуировка — по крайней мере, одна, — нанесенная или нет. Правда, в его состоянии вид черепа мог притягивать взгляд сильнее, но в ее коллекции были и другие узоры, гораздо откровеннее символизирующие смерть, на которые он не обратил ни малейшего внимания.

Снова разделив экран на две половины, Гатор открыла меню почты и загрузила узор с черепом и розами, сопроводив его коротким письмом:

В приложении — новый узор, который мы предлагаем вам как члену клуба «Татуировка месяца». Вы можете нанести его, когда вам будет удобно, но прежде чем нарушать целостность кожных покровов, не забудьте проконсультироваться с врачом.

Затем нажала ввод и стала ждать. Экран снова опустел, только в правом нижнем углу мигал небольшой квадратик. Шли минуты. Оставив буфер открытым, она подошла к кадру в кресле. Тот либо спал, либо перешел в бессознательное состояние. Перетащила его к входу и там оставила. Скоро придут мальчишки, собирающие

мелочь на еду, можно будет заплатить им, чтобы они отволокли его обратно под пирс. Потом усадила на место кадра Джоунза и обнажила его левую руку.

Может, стоит украсить его тем черепом с розами, просто чтобы он себя лучше чувствовал, решила было она, но затем передумала. Если уж такой разборчивый, пусть платит. Гатор помнила Джоунза еще в те времена, когда он пытался взламывать видео, а потом просто болтался без дела, регулярно принимая наркотики сам и помогая их доставать другим. Единственная разница между ним и такими, как Вальжан, заключалась в том, что последний довольно долго ничего не употреблял и даже смог сколотить себе неплохую рок-группу. Или, может, она просто завидовала ему, потому что ей самой по роду работы приходилось всегда оставаться трезвой.

Компьютер тихо пикнул, девушка подошла к нему.

Еду. Слово мигнуло пару раз и исчезло. Снова вызвав узор плюща, она установила нужный размер и отправила его на печать. Маленький кубик принтера выплюнул полоску бумаги. Художница прижала ее к предплечью Джоунза и разгладила двумя пальцами. Минутой позже отклеила бумажку и всмотрелась в рисунок на бледной коже. Качество отменное. Она взялась за иглу.

Входное полотнище палатки откинулось и пропустило двоих мальчишек. Мрачного пятнадцатилетнего парня она уже знала, а его костлявого дружка видела впервые. От силы двенадцать. «Да, стареем», — подумалось ей.

— Отнесите его туда, откуда брали, — сказала она, указывая на лежащего на полу кадра. — Если не дотащите, то спрячьте где-нибудь по дороге и хорошо запомните место, чтобы мне смогли объяснить.

Старший из ребят кивнул.

— И сами не потеряйтесь, — продолжала Гатор, — потом нужно будет перетащить вот этого. — Она слегка помахала рукой Джоунза, держа ее в своей, — к одной моей подруге.

Мальчишка шагнул ближе и подозрительно скопился на Джоунза. Его дружок стоял за спиной напарника и большими испуганными глазами смотрел то на Джоунза, то на нее.

— Похоже, мертвый, — выговорил старший.

— Он был мертв, а сейчас в коме.

— За это наколешь нам. — Указал он на узоры.

— Вы поможете мне по доброте душевной. — Засмеялась она. — О татуировках поговорим позже. Гораздо позже.

— Эй, не грузи меня. — Он воинственно выставил вперед нижнюю челюсть. — У меня уже есть две.

— Радость моя, ты можешь считать себя взрослым и крутым, но здесь последнее слово за мной.

Он окинул компьютер жадным взглядом. На экране снова медленно поворачивалась веточка плюща.

— Не сделаешь, значит?

— Разговор окончен.

Парень обиженно надулся.

— Тогда не расслабляйся. К тебе могут гости нагрянуть.

— Хакеры, которые ко мне залезут, могут ведь и на «Доктора» напороться. Так что просто верните этого кадра на место и будьте поблизости, тогда и поговорим. Только по-английски. Я вашего птичьего языка не знаю. И наркотиков у меня не просите. Я и раньше ничего вам не давала, верно?

— Вот он — нарк. — Подросток показал на Джоунза. Вместе ухватив кадра за ноги, мальчишки выволокли его из палатки.

«Да-а, детки», — подумала она и принялась за плющ. Ко времени прихода Розы татуировка была почти закончена.

Г Л А В А 2

Самое неприятное в ночном заседании суда — вгоняет в сон, в глаза хоть распорки ставь.

Сидя на задней скамье в переполненном зале, зажатая между каким-то юнцом, звавшимся то ли Кларенс, то ли Клоп, и безымянным парнем в ковбойских сапогах, Джина пыталась подсчитать неизбежные убытки. Заводилой она не была, поэтому участие в набеге потянет не больше, чем на пятьдесят; максимум — на сотню, если ко времени, когда подоспеет ее очередь, судью уже успеют довести до белого каления. Употребление алкоголя и наркотических веществ в публичном месте, неподобающее поведение, недонесение о готовящемся набеге, нарушение права владения, сопротивление аресту — все вместе, скажем, еще сто пятьдесят, с учетом позднего времени — возможно, двести. Хотя предъявлять ей обвинение в сопротивлении аресту было бы в высшей степени забавно. Она только пыталась скрыться, и, насколько помнила, никому не успела даже врезаться, когда ее схватили. Да лубой на ее месте припустил бы без оглядки, если бы за ним погнался целый батальон копов.